

Мешает ли хвост махать пальчиками?

Французский дирижер Оган Дурьян считает, что в России любят музыку по-настоящему

Независимая газ. - 2002 - 13 апр. - с. 5

**Александр Щуплов,
Денис Денисенко**

Тосканини Восточной Европы называют французского дирижера **Огана Дурьяна**. Не так давно он дал в Москве концерты вместе с Московским симфоническим оркестром.

– Господин Дурьян, если бы судьба с помощью машины времени позволила вам встретиться с кем-либо из классиков, кого бы вы выбрали?

– Со всеми! Я был бы абсолютно счастлив встретиться со всеми. Фантастическая возможность встретиться с великими композиторами – от Бетховена до Штрауса – большая честь. Они все, наши великие, такие разные, но они писали свою музыку от души, от своего сердца – и в этом наше счастье.

– У вас есть бог в искусстве?

– Каждый творец прекрасного – в своем роде бог: и Бетховен, и Бах, и Моцарт, и Чайковский... Когда я дирижирую какое-то прекрасное произведение, его автор и есть для меня бог. Только этим я должен жить и живу.

– Вы выступали с величайшими музыкантами мира. Кто из них более всех запомнился вам?

– Конечно, Мстислав Ростропович. Еще Эдда Мозер, Регина Креспин – вообще все те, кто поет и играет от души.

– В свое время Герберт Караян рекомендовал вас в Венский и Берлинский оркестр. Как произошла ваша встреча?

– Караян побывал на моем концерте в Вене еще в 1947 году. По окончании он пришел ко мне, поздравил и пригласил меня к себе. Но я был влюблен в одну блондинку из Австрии и решил, что должен ехать к ней. Жаль, что тогда я этой возможностью не воспользовался. И все-таки Караян впоследствии рекомендовал меня дирижировать оркестрами Вены и Берлина. Он был, безусловно, большим музыкантом и имел магнетическую силу. Феномен Караяна в том, что он всегда знал, чего хочет. С ним не всегда можно было соглашаться. Я, например, не согласен с ним был во многих вещах, в частности, с его добавлениями к Бетховену: вместо двух флейт, двух гобоев и двух кларнетов он поставил четыре флейты, четыре гобоя, четыре кларнета. В общем, продублировал оркестр. Мне кажется, это неточно передает стиль Бетховена. Но Караян всегда стоял на своем.

– А в чем ваш феномен?

– Не мне об этом судить. Для меня важно знать хорошо пар-

Рекордсмен дирижирования Оган Дурьян.

титуру. Это не так уж легко и требует много работы. Дирижер должен вообще знать, как должно звучать произведение, которое он дирижирует. Ему должно быть ведомо, как будет звучать

следующий такт, следующая нота, следующий аккорд, который пока не звучит. Так что для меня главная задача – знать, как все должно звучать. Я над этим много работаю, и, по-моему, ра-

ботаю неплохо. Дирижерское искусство в мире не везде понимают хорошо. Люди думают, что дирижер должен только хорошо и четко махать руками – так чтобы его видели музыканты.

Это не так! Кроме этого в пальцах дирижера должна присутствовать душа, музыка. Это качество присуще только большим мастерам.

– Как вы пришли в музыку?

– Родился я в Иерусалиме. В шесть лет я учился играть на флейте, потом на рояле, потом на органе. Когда однажды в кино увидел дирижера, почувствовал, что это мое, это то, что мне нужно, именно это я смогу делать лучше всего... В сентябре мне будет 80 лет. Это достаточный возраст. Я хочу успеть как можно больше сделать хорошей музыки. Я много дирижировал в России – в Москве, Ленинграде, Свердловске... С русскими музыкантами хорошо работается – и слушатели в России очень хорошие. Вообще я дирижировал 110 разными оркестрами. Это много! Это вообще рекорд! Так что у меня было много самых разных слушателей, уж точно могу сказать: самые яркие слушатели – в России. Они по-настоящему любят музыку. Они не приходят на концерт, как, например, в Америке или Франции, – показать свои наряды, а они придут именно слушать музыку и получить от нее удовольствие. Я это чувствую, и для меня это большая честь.

– Вы изобрели особую музыкальную систему, называемую «универсализм». В чем

ее практическое применение?

– Современные композиторы всего мира пытаются с помощью 12 нот написать что-то новое, не похожее на то, что была написано до нас гениями. Некоторые композиторы сейчас идут на создание эффектов – электрических, механических и так далее, говоря, что это и есть новая музыка. Это отнюдь не новая музыка – это всего-навсего новые эффекты. Музыка должна доставлять душе человека удовольствие. Созданная мной за 20 лет система универсализма позволяет создавать миллиарды мелодий. Систему универсализма можно использовать и в классическом стиле, и в романтическом, и в модерне... Эта система заключена в ритмах, ведь именно ритм является базой для всей музыки. Партитура в ритмах дает развитие для множества мелодий, не похожих друг на друга.

– Как вы оцениваете современную школу российского дирижества?

– Безусловно, в России очень хороший уровень! Российские дирижеры умеют работать с оркестрами. Не могу, конечно, сказать, это о всех поголовно, но у вас встречаются по-настоящему блестящие мастера.

– Есть ли у дирижеров чувство юмора?

– Это было бы неплохо. Дирижер должен создавать хорошую атмосферу взаимоотношений с оркестром. Это самое важное! Если дирижер не может этого делать, он не может делать хорошую музыку. Наш инструмент – это оркестр. Если музыканты вас не любят, они вам хорошо не сыграют, а просто будут играть по своим нотам – без души. Еще дирижер должен быть психологом. Это приходит с возрастом. Когда я был молодой, я думал, что я гениальный. Сейчас, когда смотрю назад, понимаю, что дирижер должен быть гуманным со своими музыкантами, а не только требовать от них игры.

...Если вы хотите услышать от меня что-нибудь смешное, расскажу один случай: когда моя мама увидела, как я в первый раз дирижирую перед зеркалом, она спросила меня: "Что ты делаешь?". Я ответил, что дирижирую. – "А что это значит?" Мама не имела никакого представления о дирижерстве. На первый свой концерт я пригласил маму. Был успех. После концерта я ее спросил, как ей понравилось. Мама мне ответила: "Я чуть под землю не провалилась от стыда: все музыканты играют, а ты с хвостом (я был, естественно, во фраке!) машешь пальчиками. Что же это такое!" ■